

Вернувшись в поместье, наставник и его ученик молча разошлись. Сколько бы Го Бохай ни пытался завести разговор о случившемся, У Чан упирался и бросался вперед, закрывая уши руками.

— А-а-а! Я уже неоднократно говорил учителю, что не желаю ничего слышать!

Их спуск превратился в подобие игры, где наставнику приходилось ускорять шаг, чтобы догнать упрямого ученика, а тот словно назло бежал быстрее.

— У Чан! Да послушай же ты!

Они так и неслись вперед, пока не спустились к поместью. У Чан сразу же заскочил в свои покои, захлопнул за собой дверь, оставив наставника и волчицу на пороге. Го Бохай еще долго стоял у его дома, пытаясь восстановить дыхание после погони. Обдумав упорство воспитанника, он обернулся к волчице и с тяжелым вздохом отправил ее к сородичам, а сам устремился к себе.

Его путь проходил по небольшому крытому мостику, окрашенному в темно-красный цвет. Под ним же располагался маленький водоем с золотистыми рыбками размером с ноготок. Крышу удерживали тонкие стены, в которых были проделаны оконные проемы. Через эти небольшие отверстия открывался дивный вид на внутренний дворик. Изумрудно-зеленые растения и пышные кроны деревьев, сквозь которые днем проникали солнечные лучи, стремящиеся заглянуть в окошки мостика. Прогуливающийся в любое время дня или ночи ненароком да бросит взгляд на двор, ведь только отсюда можно увидеть сердце горы — сад госпожи. Дикую и манящую красоту того места не так легко описать парой прекрасных строк, находясь там, внутри, но еще сложнее это сделать, видя все издали. Мост, соединявший два дома в поместье семейства У — наставника и его воспитанника, — был маленьким, но стоило сделать шаг, и казалось, он тянулся на много чжанов.

Го Бохай остановился на середине пути, услышав, как к тихому плеску жителей водоема добавился еще один звук — над крышей раздался шорох крыльев, и через мгновение, словно спеша, птица взлетела ввысь. По спине Го Бохая прошел неприятный холодок, и в ожидании увидеть кого-то мужчина обернулся. На одном из окон сидел необычайно странный кот. Его мрачный взгляд был самым что ни на есть человеческим, будто это животное могло мыслить не хуже любого начитанного господина. Все вокруг вдруг притихло, намекая наставнику об очередном неприятеле, но, судя по тому, как спокойно он смотрел на шерстяной комочек, что нервно мотал хвостом, Го Бохай знал, кто сейчас перед ним. Кот бросил презрительный взгляд и фыркнул:

— Ну? Чего молчишь?

Никак не удивившись говорящему животному, Го Бохай спросил:

— Зачем явился? — недовольный визитом наставник, не дожидаясь ответа, зашагал по мостику дальше. Кот спрыгнул с оконного проема и мягко поторопился следом.

— Разве ты мне не рад? Ну! Скажи, как все прошло?

Го Бохай резко обернулся и топнул перед животным ногой, от чего тот аж подпрыгнул.

— Уйди! Мне нет дела до тебя, ведь ты вновь явился поздно!

— Ну извините, уважаемый господин Го, что я лишь старался разобраться с подосланными

марионетками Кукловода... — кот важно развернулся к Го Бохаю задом и, запрыгнув на другое окно, продолжил:

— Разве не ты попросил меня разобраться с ними? С теми двумя служанками?

— Я... — припомнив свою просьбу, наставник запнулся. — Только, помимо этого, ты также был обязан защищать юного господина! Разве не ты требовал от меня скрывать силы и, случись что, дожидаться только твоей помощи?

— Я-а-а? — медленно растянул кот. — Моя задача — обеспечить защиту тебе, а не этому мальчишке. Я поступаю лишь так, как приказал владыка, не более...

Го Бохай разгневался, услышав его слова:

— Меня не волнует, что приказал тебе демон Душ! Находясь рядом со мной, ты обязан защищать У Чана! Это мое условие, не нравится — возвращайся.

Поймав себя на гневе, Го Бохай резко замолчал, развернулся и направился дальше. За спиной раздался топот кошачьих лапок о деревянный пол, который вдруг сменился на шорох крыльев. Облечившись в черного ворона, существо обогнуло Го Бохоя, махнуло, словно специально, крылом перед его лицом и наконец приняло человеческий облик, появившись из мглы. Перед Го Бохаем объявился бледный мужчина с распущенными темными локонами, концов которых не было видно из-за того, что они лежали на его черном одеянии. Он прищурил раскосые глаза, наполненные презрением, и заговорил:

— Ты чересчур печешься о нем!

— Это не твоего ума дело...

— Мальчишка сильнее, чем ты думаешь! Если бы ты перестал подавлять его внутреннюю силу, не пришлось бы прибегать к своей и подвергать нас опасности! Я наложил на тебя печать, скрывающую тебя от взора Небес, а ты ей так беспечно пренебрегаешь!

Бровь на лице наставника дрогнула.

— Он должен стать небожителем, таков был уговор. Если я позволю ему пользоваться силой, Небеса слишком рано заметят ее и сразу заподозрят обман! Ни он, ни я не прибегли бы к своей силе, если бы ты явился вовремя!

Го Бохай обошел навязчивого собеседника, направляясь вперед.

— Подумаешь... — заговорил демон в черном. — Мальчишка переродится вновь. Ха, да для тебя это будет очередной пустяк! У тебя на его поиски нашлось аж двести лет, найдется и еще пара годков.

Тот, что был котом и вороном одновременно, допустил ошибку, сказав это. Недолго думая, Го Бохай обернулся и одарил бледное лицо говорящего звонким ударом ладони. Шлепок раздался эхом, напугав живших под мостом рыбок. Ни капли не жалея о содеянном, наставник проговорил сквозь зубы:

— Чтобы души твоей здесь не было. Увижу — знаешь, что я с тобой сделаю! — чуть помедлив и уже удаляясь вперед, он добавил: — Так можешь и передать своему хозяину!

Получивший за свой острый язык ничего не ответил. Демон прикоснулся к щеке, и пощечина на бледной коже заняла: Го Бохай действительно силен, раз смог оставить видимую отметину на теле демона Тьмы — правой руки владыки темного мира.

Рыночная площадь города Тяньцзинь.

С рассветом знаменитый рынок городка, живущего в тени горы Хэншань, зацвел жизнью, постепенно наполняясь шумом прибывающих покупателей и громко приглашающих к своей лавке продавцов.

Ближе к центру рынка на одной из крыш одиноко сидел ворон. От зябкости встряхивая перьями, птица боролась с утренней прохладой и поглядывала по сторонам. К ней то и дело прибывались мелкие пернатые. Греясь о тело здорового ворона, они ожидали, когда хозяева таверн и павильонов начнут выкидывать остатки еды после очередных посетителей.

— Кыш-кыш! — ворон все время спроваживал надоед, но, отпрыгнув ненадолго от его крыла, они вскоре снова жались к нему.

«Так тебе и надо, Сянцзян... Держал бы язык за зубами, спал бы под сухой крышей...»

Он встряхнулся, только подумав о теплом местечке, что выбрал для укрытия от глаз жителей горы Хэншань. Сянцзян понимал: вернись он той ночью в поместье, одна из молний Го Бохая сразу же шарахнула бы по нему, поджарив крылья. Демон знал этого наставника наследника клана, как свои перья, и, уже сталкиваясь с гневом мужчины, не желал вновь испытать на себе гневный разряд.

— Как же вы надоели! Чего вы мне досаждаете?! — разоралась птица на воробьев и, взбрыкнув, отлетела на другую крышу. Мелкие компаньоны сразу же заторопились за ней. Убедившись, что никто его не видит, ворон принял облик кота, распугав пернатых. Чирикая на всю округу, прилипалы разлетелись, а Сянцзян, довольствуясь своей сообразительностью, бросил им вслед:

— То-то же...

Кот вальяжно прошелся по верхушке крыши, спрыгнул ниже, перешел на черепицу из сандалового дерева другого дома, вновь принял облик птицы и воссел на краю. Только он успел скукожиться и пригреться, как его внимание привлекли три персоны, идущие по центральной улочке рынка.

Среди толпы горожан и приезжих эта троица выделялась военной выправкой и внешним видом. Они шли в определенной последовательности: в центре был мужчина, одетый в легкие золотые доспехи, а за ним — девицы, как две капли воды похожие друг на друга. Их одеяния были необычными для местных: детально выделанный доспех, украшенный переливающимися на солнце линиями, был надет поверх плотных тканей цвета темного нефрита и прямо говорил о принадлежности господина к западным землям, некогда являвшимся собственностью дома Чжао, а яркие платица алого и желтого оттенков с широкими кожаными поясами, — что девушки пришли из южных земель дома Ба. И странность была в том, что подобные наряды существовали лишь до того момента, пока запада Поднебесной, как и правящих Чжао, не стало — то есть очень давно. Не то чтобы все ошарашенно на них смотрели, местные горожане воспринимали их как приезжих с соседних территорий, но вот Сянцзян заинтересовался не их одеяниями, а знакомым лицом идущего впереди господина. Как только ворон убедился, что два его блестящих глаза ничего не путают, он заинтересованно про себя произнес: «Западный бог

войны в сопровождении богинь с Юга?»

Демона Тьмы очень заинтриговала причина их появления в мире людей, да еще и в городе, расположенном прямо под горой Хэншань. Уж не прошедшая ночь их привела в такие далекие края? Он принялся перелетать с крыши на крышу, выслеживая их и приближаясь к краю каждый раз, как только они останавливались у какой-нибудь лавки и начинали говорить. Того, кто был богом войны, демон узнал сразу, но был слегка удивлен, что этот небожитель в западных доспехах сейчас столь молчалив. А вот болтающих красавиц опознал лишь по южным военным украшениям на одеяниях и их знаменитой схожести.

— А-Лин [1], гляди, прям как ты мечтала, — одна из богинь указала на статуэтку. — Розовощекий голый Будда. Ха-ха-ха!

[1] Ласковое обращение, позволяющее в кругу близких людей. Префикс [], который звучит как «А», ставят вначале фамилии или имени.

— А-Мин! Отвратительно!

— Нет, ну ты посмотри, сестрица, как раз как твой несуществующий жених! Ха-ха-ха!

— Братец Лян, — возмутилась вторая, — вели ей перестать!

Мужчина, стоявший между ними, лишь недовольно вздохнул.

— Давай, сестрица, я куплю тебе его, будет на кого взглянуть перед сном. Ха-ха-ха...

— Тогда, — названная А-Лин подошла к прилавку и взяла фарфоровую обезьянку, держащую в руках кувшин, — я куплю тебе это! Будешь смотреть перед сном на себя!

— А-ха-ха, А-Лин, ты такая забавная, когда злишься!

«Они решили сюда прийти, дабы закупиться безделушками?» — размышлял ворон, продолжая следить за богинями.

Наконец, устав от бесконечных споров, заговорил бог войны:

— Сяолин, Сяомин, мы здесь не для этого, прошу, держите себя в руках. Голова небожителя настолько гудела от их писклявых голосков и вечного смеха одной из сестер, что он, произнеся это, принялся разминать точку на лбу между бровями.

— Извини, Лян Фа, — пролепетала самая задорная.

Мужчина по другую сторону прилавка недовольно кашлянул в кулак, обратив на себя внимание. То был продавец, чьи вещи, высмеивая, девушки крутили в руках и явно не собирались покупать. Чтобы подтвердить свои догадки, он поинтересовался:

— Уважаемые все-таки будут что-то покупать?

Названная именем Сяолин скромно ответила «нет» и после поклона положила пару монет на прилавок, добавив:

— В знак извинения...

Троица завернула за угол, перешла на другую сторону рынка, где, что очень странно, народу

было в разы меньше, и остановилась. Та богиня, что пребывала в веселом расположении духа, внезапно завела серьезный разговор:

— Лян Фа, ты уверен, что он здесь?

Бог войны спешно ответил:

— Не знаю, но мы должны его найти в скором времени.

Следом заговорила вторая девушка:

— Лян Фа, совет будет недоволен, узнай они о твоём визите в мир людей по подобной причине.

Он заверил:

— Потому я вас и взял. Вы, как никто другой, умеете выслеживать демонов, и...

Бог войны не успел договорить, как одна из сестер произнесла:

— Одного я уже почти поймала!

Девушка подняла голову в сторону крыши, откуда раздался шорох крыльев. Сянцзян, услышав ее слова, заторопился спрятаться, но тут перед его клювом уже приземлилась женская фигура. Не успел он каркнуть от испуга, как его схватили. Богиня спрыгнула с крыши на землю, не издав ни звука, словно земля поглотила весь ее вес. Она радостно объявила:

— Смотрите-ка, кого я привела!

Девушку распирало от счастья. И, не скрывая ухмылки, она начала легонько дергать птицу за перья и приговаривать:

— Ну же, упитанная птичка, скажи нам, кто ты и от кого?

Троица склонилась над вороном, сдавленным в крепкой хватке богини земли. Это явно была она: о ее мощи в каждом из трех миров ходили легенды. Дева, что ударом пальца может заставить скалу расколоться надвое, проделав таким образом для своей сестры, богини воды, новый путь. Относилась красавица, как и ее близняшка, к южной семье Лун, а имя ее, состоявшее из двух слогов, означало «маленький свет». У ее сестры Сяолин, более кроткой и стеснительной, имя несло менее поэтичный посыл — «маленький холм». Этих сестер никогда не видели по одной и поэтому даже стали считать, что одна, смеясь, вылавливает темных богов по Поднебесной, а вторая пленит их и запечатывает в морских пещерах.

Лун Сяомин мило улыбнулась птице, сдавив ее тело сильнее, и ехидно произнесла:

— Ну же, не стесняйся...

Демону Тьмы некуда было деться. Если он сейчас ничего не предпримет, его глазные яблоки точно покинут тело, вылетев из глазниц. Эта красавица Лун Сяомин лишь на вид была хрупкой. Еще до вознесения, до становления богиней, как и ее сестрица-близнец Сяолин, она убила бесчисленное число демонов, а шагнув наверх, и вовсе вселила в мире демонов страх перед своей силой. Ее лицо никогда не выражало грусти, злобы или печали, она всегда улыбалась всем, даже тем, кто умирал от ее руки. Ее так и прозвали в мире, находящемся на самом дне, — Смеющийся Свет.

Ворон недолго терпел перед тем, как из его клюва вылетел до смешного человеческий «кар». От непонимания услышанного трое небожителей захлопали ресницами. Демон покрутил головой, думая, что это могло сработать, и добавил:

— Кар?

Лун Сяомин засмеялась в голос, схватившись за живот:

— Как унизительно, а-ха-ха!

Двое других недовольно зыркнули на птицу, отчего та вжала голову в пернатое тельце.

— Птичка,— успокаивая себя и вытирая слезы, заговорила Лун Сяомин, — ты так нелепо притворяешься, что мне даже стало жалко тебя, ха-ха.

Девушка принялась выкручивать птице голову, медленно, не доводя до смертельного щелчка, и на этом, как казалось со стороны, приятном для богини действии ее прервал Лян Фа:

— Не стоит утруждаться и душить его, это один из прихвостней демона Душ, его подпевала — Сянцзян. Едва ли ты ему сделаешь больно.

— Демон Тьмы?! — удивилась Лун Сяолин.

— Так вот ты какой, птенчик А-Цзян! — удовлетворенно воскликнула Сяомин.

Она убрала руку, которой по-настоящему пыталась сломать шею ворону, недовольно цыкнула и подняла его на уровень глаз. Недолго думая, Лян Фа твердо и уверенно задал вопрос:

— Где он?

Ворон отвернул голову и сдавленно гаркнул:

— Не знаю, о ком ты.

— Знаешь... Раз ты здесь, значит, и он тоже.

И Сянцзян не смог сдержать себя, он гаркнул от разбирающего его смешка и подметил:

— Не теряешь надежды схватить его, как я погляжу.

— Значит, все-таки понимаешь...

— Ха! — ворон принялся высмеивать собеседника, мотая головой.

— Да только глупейший из глупейших не поймет, как бог войны желает заполучить демона Непогод, дабы удовлетворить свое раздутое эго и выслужиться перед Небесами. Вот только ничего у этого бога не выходит, так ведь? Раз за разом возвращаешься в Поднебесную, как брошенная невестушка в надежде вернуть нерадивого!

Лян Фа не стерпел его карканья и попытался выхватить птицу из рук Лун Сяомин. Но этого и желал демон. Он мигом выпорхнул, почувствовав свободу, и, отлетев на пять чи от них, принял истинный облик. Сянцзян поправил свои плотные черные одеяния, горделиво поднял голову и словно запел:

— Ну-ну, господин Лян Фа, не стоит так кипятиться, того и гляди — лопнете от перенапряжения! Неужели этот скромный демон задел ваши чувства, раз вы так разозлились?

На лице бога войны действительно было все написано, как на бумаге. Он был вне себя от злости, и только этот постоянно мешавшийся под ногами и ускользавший демон мог его так разозлить. На гладком лице появились морщинки, а брови, как два мощных моста, сошлись над переносицей. При виде искривленного лица небожителя Лун Сяомин не сдержалась и хихикнула. Лян Фа шагнул вперед, и демон его предупредил:

— Не стоит, уважаемый... Если я еще могу появляться в мире смертных и иногда показывать им свои фокусы, меняя облик или демонстрируя небывалую силу, то вам, как служителю Небес, этого не дозволено. — Лян Фа послушно отступил, а Сянцзян продолжил: — Ох и разгневается Верховный совет, узнав, что их любимейший из богов подбил двух других обожаемых спуститься к смертным, а вдобавок, не сдержав свой пылкий характер, разрушил полрынка и опозорил Небеса!

Лян Фа промолвил низким голосом:

— Твой язык бы укоротить, чем покороче, тем лучше!

Игнорируя злость и не обращая внимания на красного от гнева бога, Сянцзян повернулся к его приспешникам:

— Прекраснейшие из прекраснейших, с вами мы еще не встречались! Сильнейшая Лун Сяомин, мне было так приятно, когда вы меня называли А-Цзянем, что я позволяю вам и дальше так ко мне обращаться. А вы, Лун Сяолин, богиня воды, красивейшая, можете звать меня, как пожелаете, в любом случае этого демона как только не называли.

Богиня земли в отвращении приподняла бровь, а ее сестра прикрылась от этих грязно-сладких речей рукавом. Надменное представление оскорбило Лян Фа сильнее, чем то, что он сам помог ворону улизнуть из его рук. Пальцы бога войны, сложенные в кулак, захрустели, и он прорычал:

— Ты...

— Зачем же вам понадобился демон Непогод? — перебил его Сянцзян.

Богиня воды ответила:

— Верховный совет собирается в ближайшее солнцестояние...

Лян Фа вытянул руку в сторону, приказав ей молчать, а сам произнес:

— Не надо тут разыгрывать спектакли, что ты не понимаешь, зачем мы здесь!

— Ну как же? — игриво заговорил демон. — Мне, как и всему живому, дарован дар мыслить, а значит, я могу предположить. Наверное, ты...

— Не можешь! — теперь Лян Фа перебил его.

Богини позади, не вмешиваясь, принялись перешептываться между собой, чем привлекли внимание Сянцзяна. Не сдержав интереса, он спросил:

— Прекрасные что-то хотят мне сказать?

Богиня земли обратилась, но не к нему:

— Лян Фа, мы навряд ли изловим демона Непогод, так как он под защитой демона Душ, а этот, — она взглянула на Сянцзяна и дополнила: — Как раз его подхалим, так почему бы нам просто не передать...

Бог войны обернулся, заставив ее замолчать. И хоть Сянцзяну было печально слышать, как его называли «этот» вместо «А-Цзян», он ни капли не расстроился от услышанных новостей:

— О-о-о, так у тебя новый план. И какой он? Расскажи! Это будет очередная бесчестная ловушка Небес, или вы все-таки решили благородно поступить, не прибегая к закрытому суду?

Лян Фа поднадоело подкидывать демону Тьмы темы для высмеивания, и, не сбрасывая с лица злобы, он вспылил:

— Слушай сюда! Я скажу это лишь раз. Я никогда не желал зла Го Баю. Я единственный помогал ему, пока он не перешел черту дозволенного. Поэтому заткни свой поганый рот, прежде чем обвинять меня в подобной грязи! — Сянцзян действительно притих после сказанного, а Лян Фа продолжил: — Я пытаюсь найти его не для того, чтобы сдать совету, я лишь хочу его предостеречь! Совет собирается судить Го Бая за злодеяния перед Небесами, и ему нужно явиться туда до того, как они примут решение. После его будет ждать лишь пожизненное заточение!

После сказанного троица замолкла, ни сестры, ни бог войны не желали что-либо добавить. Стоя в почти безлюдном переулке, небожители и демон смотрели друг на друга, и Сянцзян вдруг изменился. Сбросив ехидную маску, он сказал:

— Попроси.

Все удивленно переглянулись. А если быть точнее, обменялись ошарашенными взглядами. Лян Фа даже подостыл и переспросил:

— Что?

Сянцзян лишь скрестил руки на груди, но не отступил. Он вновь повторил, уже разъясняя:

— Попроси меня об этом, и я передам твои слова Го Баю.

Его уточнение пришлось стоявшему напротив не по вкусу. Да что там говорить, его чуть не разорвало от гнева! Как этот демон вообще на такое решился? Да, ранее он неоднократно сходилась в битве с Лян Фа, но со стороны всегда казалось, будто они оба бились вполсилы и, не нанеся друг другу особых увечий, расходились в разные стороны. Но чтобы лишиться рассудка и приказать богу войны просить демона о чем-то! Это было в новинку для них двоих.

Видя, как Лян Фа напряженно молчит, Сянцзян подлил масла в огонь:

— Ну же, всего-то нужно попросить. Я сразу же исполню твою просьбу. Что это с тобой?

Лян Фа покраснел от пожирающего его внутри огня.

— Не-е-ет!

— Отчего же? Ты столько раз просил Го Бая перестать идти путем тьмы, а тут ради его спасения не можешь сказать «прошу»?

На лбу бога проступили пульсировавшие вены, и сестры кинулись его успокаивать:

— Лян Фа...

— Лян Фа!

Но стоящий напротив никак не умолкал:

— Ну же, просто скажи: «Про-шу те-бя».

Зубы Лян Фа закрипели, и всем, кроме негодника, наслаждавшегося видом краснеющего божества, было ясно — сейчас он разнесет все вокруг, плюнув на гнев Небес. Но все трое, демон и богини, застыли, услышав:

— П... — каждый медленно взглянул на давящегося Лян Фа и услышал вновь: — Про...

Бог войны покраснел пуще прежнего. Это был предел: более красного лица он уже не сможет сделать, но все же сквозь сжатые зубы, слегка шевеля напряженными губами, он выдал:

— Про... прошу...

Сестрицы тотчас побледнели от услышанного, а Сянцзян, и так бледный от природы, посинел. Поставь сейчас здесь игорный стол и спроси: «Кто из присутствующих сделает ставку на то, что этот достопочтенный господин не падет так низко, чтобы попрошайничать перед грязным отребьем, скажите “я” и положите по монетке!» — и каждый из них бы это сделал, а Сянцзян положил бы еще три сверху — уж слишком он хорошо знает этого непреклонного бога, что на колено не опустится даже перед лицом смерти. Да что уж тут говорить, сам Лян Фа до сегодняшнего дня ставил бы только на это.

Сквозь зубы Лян Фа напоследок произнес:

— Ты доволен?

— Не совсем, но для начала хватит. Демон, ни с кем не попрощавшись, обратился в черноту, и из нее вылетел ворон, устремившийся в небо.

<http://tl.rulate.ru/book/68131/1810984>